

Санкт-Петербургский Государственный Университет

На правах рукописи

МИНЧЕНКОВ
Алексей Генриевич

Когнитивно-эвристическая модель перевода
(на материале английского языка)

10.02.04 – Германские языки
10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2008

Диссертация выполнена на кафедре английской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета

Официальные оппоненты: -доктор филологических наук, профессор
Недялков Игорь Владимирович
-доктор филологических наук, профессор
Филимонова Ольга Евгеньевна
-доктор филологических наук, профессор
Шумков Андрей Арнольдович

Ведущая организация - Санкт-Петербургский Университет
Экономики и Финансов

Защита диссертации состоится «__» _____ 2008 года в
____ часов на заседании совета Д 212.232.48 по защите докторских и
кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном
университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская
набережная, д.11. ауд.____

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени
М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета по
адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7/9.

Автореферат разослан «__» _____ 2008 года

Ученый секретарь совета

Д 212.232.48

к.ф.н., доц. С.Т.Нефедов

Характерной чертой лингвистической науки конца XX и начала XXI века является широкое распространение антропоцентрического подхода к языковым явлениям и категориям. Многие ученые отходят от господствовавшей в течение многих десятилетий лингвоцентристской научной парадигмы и обращают первостепенное внимание на активную роль человека как субъекта познавательной и речевой деятельности. Ярким проявлением указанной тенденции является выход лингвистических исследований за пределы собственно лингвистики, объектом изучения которой является сам язык как система, и обращение к другим областям знания, смежным с лингвистикой «антропоцентрическим» наукам – психолингвистике и социолингвистике, философии, герменевтике, нейрофизиологии и антропологии.

Последние десятилетия были ознаменованы бурным развитием когнитивной лингвистики, в центре внимания которой находятся процессы усвоения, накопления и использования знаний человеком, а также происходящие в его сознании мыслительные процессы. Когнитивная лингвистика ставит своей основной целью изучение взаимодействия в процессе речевой деятельности разнообразных видов знаний, накопленных человеком и доступных ему в конкретный момент речевого общения.

Сформировавшаяся в 50-е годы прошлого века лингвистическая теория перевода в процессе своего развития неизменно использовала актуальные для того или иного периода лингвистические направления и концепции. В работах различных авторов находили отражение основные положения сопоставительной и типологической лингвистики, трансформационная грамматика Н.Хомского, функциональная теория Дж.Ферта и М.А.Халлидея, лингвистическая прагматика и теория коммуникации. В последнее время в этой области науки можно наблюдать все возрастающий интерес исследователей к когнитивным и психолингвистическим аспектам переводческой деятельности. В

работах целого ряда отечественных и зарубежных лингвистов (А.А.Леонтьев, И.А.Зимняя, З.Д.Львовская, Ю.А.Сорокин, Т.А.Казакова, Е.С.Петрова, В.И.Хайруллин, М.Я.Цвиллинг, Р.Белл, У.Эко, Ж.Дансетт, Ж.Делиль, Д.Кирали, А.Нойберт) прослеживается явная тенденция рассматривать перевод, прежде всего, как эвристический процесс речемыслительной деятельности, осуществляемой переводчиком в определенном социокультурном контексте. Все большее распространение получает применение экспериментальных методов исследования переводческого процесса, в частности, различного рода психолингвистических методик.

Указанная тенденция знаменует собой постепенный отход теории перевода от чисто лингвистических концепций, в рамках которых процесс перевода рассматривался, в основном, как поэтапная трансформация исходного текста на одном языке в текст на другом языке, происходящая благодаря объективно существующим «эквивалентным» отношениям между единицами двух языков на основе выражаемого ими содержания или выполняемой функции, и стремление ученых объяснить явления, происходящие в процессе перевода, с точки зрения когнитивных и речемыслительных процессов, происходящих в голове переводчика-интерпретатора.

Перемещение центра внимания с языковой системы как самостоятельной сущности, определяющей и направляющей действия переводчика, на субъекта, использующего две языковые системы в процессе эвристической речемыслительной деятельности, неизбежно влечет за собой пересмотр основного понятийного аппарата и методологических основ теории перевода. Необходимость пересмотра методологической основы теории перевода вызывается также чисто практическими причинами, связанными, в частности, с обучением переводу, а именно тем, что восприятие процесса перевода в русле традиционных понятий, таких как эквивалентность, тождество или подобие текста перевода исходному тексту, переводческая

трансформация, нередко, как показывает наш опыт, дезориентирует изучающих перевод и ведет к ошибкам, в частности, к неестественности звучания текста перевода.

При этом можно говорить о том, что новое антропоцентрическое направление в теории перевода находится еще только на стадии становления. Применяя к переводу различные термины когнитивной лингвистики, в частности, термины «концепт» и «фрейм», и предлагая новые подходы к анализу переводческого процесса, исследователи нередко используют понятия, унаследованные у традиционной лингвистической теории перевода, такие как эквивалентность, соответствие, нормы соответствия, разделяют семантику и прагматику, рассматривают перевод как перенос значения из одного текста в другой. Фактически отсутствуют комплексные исследования теоретических основ переводческой деятельности в рамках указанного направления, в которых с новых позиций были бы освещены такие важные для изучения перевода вопросы как отношение языка и мышления, основы переводимости, значение языковых знаков и формирование смысла в контексте, единица перевода, критерии разделения перевода и пересказа, и критерии оценки качества перевода. Кроме того, на наш взгляд, существует давно назревшая потребность теоретико-экспериментального обоснования необходимости использования в процессе перевода одноязычных толковых словарей.

В предлагаемом диссертационном исследовании на базе позитивного опыта, накопленного переводческой наукой, а также с учетом новейших достижений когнитивной лингвистики, психолингвистики и других имеющих отношение к переводу областей знания, разрабатывается и экспериментально обосновывается комплексная модель переводческого процесса как особой разновидности речемыслительной деятельности, происходящей в сознании переводчика-интерпретатора при его взаимодействии с исходным текстом. Кроме того, демонстрируются

возможности приложения предлагаемой модели к переводу отдельных единиц английского языка и оценке качества перевода.

Актуальность данного диссертационного исследования определяется тем, что оно выполнено в рамках антропоцентрического, когнитивного и психолингвистического направлений современной лингвистики и теории перевода, а также тем, что в нем учитываются и развиваются последние достижения в области экспериментального исследования процесса перевода.

Цель диссертации заключается в разработке и теоретико-экспериментальном обосновании когнитивно-эвристической модели перевода, а также в описании возможностей ее приложения к переводу некоторых единиц английского языка и оценке качества перевода.

Достижение указанной цели требует решения следующих **задач**:

- 1) рассмотреть основные направления в современной теории перевода и предлагаемые в рамках этих направлений модели процесса перевода;
- 2) разработать лингвофилософские основы перевода и определить понятия «значение» и «смысл»;
- 3) рассмотреть основные положения теории речевой деятельности как методологической основы моделирования процесса перевода;
- 4) разработать когнитивно-эвристическую модель перевода и экспериментально обосновать ее;
- 5) показать возможности приложения разработанной модели к переводу некоторых единиц английского языка и оценке качества переводов.

Методологической основой исследования являются основные положения 1) теории речевой деятельности (Л.С.Выготский, Н.И.Жинкин, А.Н.Леонтьев, А.А.Леонтьев, М.М.Бахтин, И.Н.Горелов, А.А.Брудный, А.Р.Лурия, А.А.Залевская, Т.В.Ахутина, И.А.Зимняя, У.Л. Чейф и другие) и 2) когнитивной лингвистики (Р.Лангакер, Р.Джакендофф, Дж.Лакофф, Л.Тальми, Дж.Фодор, А.Круз, Ф.Унгерер, Д.Ли, М.В. Никитин, З.Д.Попова, И.А.Стернин, Р.М.Фрумкина и другие).

В работе применены методы когнитивного и лингвистического моделирования, семантического анализа, субституции, метод интроспекции и психолингвистический эксперимент.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые 1)предлагается и экспериментально обосновывается комплексная модель перевода как когнитивно-эвристического речемыслительного процесса, в котором разнообразные присутствующие в голове переводчика знания взаимодействуют с семантическим потенциалом исходного текста; 2) единицей перевода признается концепт как дискретная единица языка мышления; 3)разрабатываются критерии оценки качества перевода и его успешности; 4)предлагается классификация типов переводческих ошибок; а также 5)разрабатывается эвристическая методика решения конкретных переводческих проблем с применением метода интроспекции.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем вкладом, который она вносит в когнитивную лингвистику, психолингвистику и теорию перевода. В работе введены понятия когнитивного поиска и рекомбинации концептов; уточнены, в том числе применительно к переводу, понятия операционных норм и пределов интерпретации, концепта, значения и смысла. Определены лингвофилософские основы переводческой деятельности. Дано принципиально новое определение процесса перевода, определены его основные стадии и особенности. В рамках нового подхода переосмыслены понятия единицы перевода и инварианта перевода. Разработаны новые теоретические подходы к оценке качества перевода и разделению перевода и пересказа. Обосновано применение метода интроспекции в переводческих исследованиях.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования как теоретических, так и практических материалов исследования, а также полученных выводов, в общих и специальных курсах по теории перевода, когнитивной лингвистике и

психолингвистике, при составлении учебников по теории и практике перевода и на занятиях по практическому переводу, в том числе для обоснования выбора варианта перевода или анализа причин ошибки.

Материал исследования составляют данные, полученные в результате эксперимента, проведенного в 2006 году в Университете города Шеффилда, Великобритания. В эксперименте принимали участие четыре студента и два преподавателя кафедры Русской и Славянской филологии. В качестве дополнительного материала привлекались отдельные примеры, взятые из произведений английской художественной литературы, и их переводы на русский язык, выполненные автором данного исследования в учебно-методических целях (Минченков 2004), и, в ряде случаев, другими переводчиками. Использовались также данные англоязычных толковых словарей.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Два задействованных в процессе перевода языка соприкасаются на уровне языка мышления. Дискретные единицы этого языка – концепты-представления – формируют субъективные смыслы. Единицами перевода являются концепты. Возможность перевода обусловлена i) самим фактом существования языка мышления; ii) способностью человеческого сознания, при необходимости, осуществлять операции с концептами, в частности, вычленять субконцепты в структуре концепта и рекомбинировать концепты; iii) происходящим в сознании в процессе любой рецептивной речемыслительной деятельности переходом от конвенционального языкового значения к субъективному смыслу; iv) присущему каждому языку потенциалу смысловыражения, то есть способности этого языка вербализовать субъективные смыслы доступными ему средствами на различных формальных уровнях.
2. Перевод как особый вид речемыслительной деятельности представляет собой эвристический процесс объективации средствами языка перевода концептуальной структуры, сформированной в сознании на базе исходного текста. Специфика перевода как особого

вида речемыслительной деятельности состоит, во-первых, в том, что он объединяет в себе процессы понимания исходного текста и порождения нового текста на другом языке, и, во-вторых, в заданности предмета деятельности: порождая новый текст на языке перевода, переводчик реализует, прежде всего, не собственную внутреннюю программу, а ту, которая уже была ранее сформирована автором исходного текста.

3. Процессы понимания исходного текста и порождения текста перевода являются многоэтапными, но при этом носят «челночный» характер. Кроме того, порождение нового текста, как правило, протекает параллельно с пониманием исходного.

4. В процессе понимания исходного текста его единицы активируют в сознании переводчика конвенциональные концепты-понятия, которые взаимодействуют с имеющимися у переводчика фоновыми знаниями и знаниями контекста. В результате этого взаимодействия в сознании актуализируются субъективные концепты, формирующие смыслы. В ряде случаев смысл формируется почти спонтанно, однако нередко переводчику приходится проводить относительно длительный и сложный когнитивный поиск смысла.

По мере своей актуализации субъективные концепты постепенно образуют концептуальную структуру, которая представляет собой внутреннюю программу будущего текста на языке перевода. На основе этой концептуальной структуры в сознании переводчика формируется единое мысленное представление всей описываемой текстом ситуации.

5. Знание значений единиц исходного текста и общие знания о мире обуславливают инвариантность понимания исходного текста различными переводчиками. При этом различия в индивидуальных фоновых знаниях и субъективных представлениях способствуют вариативности понимания текста. Недостаток или отсутствие релевантных знаний значений единиц исходного текста, фоновых знаний и знаний контекста не позволяют сформировать когерентную

внутреннюю программу, что обычно предопределяет неуспешность всего процесса перевода.

6. Текст перевода порождается путем объективации на языке перевода сформированной концептуальной структуры. В ряде случаев объективация оказывается невозможной без рекомбинации концептов, составляющих концептуальную структуру. Среди операций по рекомбинации концептов выделяются расщепление, слияние, перемещение, поглощение концепта, передача концепта через признак или описывающую его концептуальную схему, а также перестройка всего событийного фрейма, то есть всей структуры концептов. Рекомбинация концептов может проходить как отдельная стадия процесса перевода – когда без этого переводчик не может объективировать нужный концепт на языке перевода, или же, как мыслительный фон операции автокоррекции, которая часто бывает необходима для достижения естественности звучания текста перевода, обеспечения его когерентности и соблюдения норм языка перевода.

7. Весь процесс перевода носит эвристический характер и идет путем выдвижения гипотез с их последующим подтверждением или опровержением. Переводческие задачи решаются применительно к каждому конкретному случаю. Окончательный вариант перевода часто оказывается непредсказуем заранее и вариативен.

8. Оценка качества выполненных переводов предполагает применение операционных норм, имеющих градуированный и относительный характер. В этом случае основной критерий при оценке успешности перевода, как отдельных предложений, так и всего текста, состоит в том, удалось ли переводчику объективировать всю инвариантную совокупность концептов, учитывая реальную возможность сделать это в данном контексте. Предлагаемые переводчиками успешные варианты нередко отличаются как в отношении лексических единиц, избираемых для объективации того или иного концепта, так и в структурном плане. Эти варианты могут быть одинаково успешными, или же различаться

по степени успешности в плане полноты объективации того или иного концепта или всей структуры концептов.

9. К переводческим ошибкам относятся случаи, когда i) выбранная переводчиком единица объективирует не тот концепт, который актуализирован исходным текстом, а некий другой; ii) концепт не объективирован вообще; iii) использованное переводчиком сочетание слов или предложение не имеет смысла или имеет смысл совершенно отличный от того, который потенциально можно сформировать при восприятии соответствующего отрезка исходного текста; iv) вместо перевода переводчик осуществляет пересказ, то есть, по субъективным причинам ряд концептов не объективирован им вообще; v) предложенный вариант явно нарушает нормы языка перевода, звучит неестественно или не обладает когерентностью.

10. Когнитивно-эвристическая модель перевода является теоретико-методологической базой для перевода таких языковых единиц, как, например, иллокутивные частицы, чья семантика обнаруживает сильную зависимость от контекста, и перевод которых с помощью источников, опирающихся на межъязыковые эквиваленты или соответствия, прежде всего, двуязычных словарей, оказывается проблематичным. Указанная проблематичность связана с объективной неспособностью двуязычного словаря свести все многообразие контекстуальных смыслов единицы к набору соответствий или отсутствием в языке перевода отдельного слова или слов, способных выступать в качестве более или менее регулярных соответствий этой единицы.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 20 публикациях, в том числе монографии объемом 8 печатных листов, в выступлениях на международных переводческих конференциях «Федоровские чтения» (Санкт-Петербург, филологический факультет СПбГУ октябрь 2006, 2007, 2008 гг.), на мемориальном заседании кафедры английской

филологии и перевода и кафедры английской филологии СПбГУ (Санкт-Петербург, филологический факультет СПбГУ, июнь 2007), а также в переводческих спецкурсах, прочитанных на филологическом факультете в период с 2004 по 2007г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав с выводами, заключения, библиографического списка, списка принятых в работе сокращений и приложения. Общий объем диссертации – 319 страниц текста в компьютерном наборе.

Содержание работы

Во *Введении* обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, формулируются цель и задачи исследования, теоретическая и практическая значимость и научная новизна, а также дается описание использованного материала и определяются методологические основы его анализа.

Глава I «Основные направления в современной теории перевода» посвящена рассмотрению основных концепций и моделей перевода, существующих в современной науке.

В теории перевода можно выделить лингвистическое, коммуникативное и когнитивно-психолингвистическое направления. Основы лингвистического подхода были заложены в работах Я.И.Рецкера, А.В.Федорова, Ж.Вине и Ж.Дарбельне, Дж.Кэтфорда и Ю.Найды, а затем развиты в исследованиях многих других лингвистов (Л.С.Бархударов, В.Н.Комиссаров, В.Г.Гак, Л.К.Латышев, А.Д.Швейцер, В.С.Виноградов, А.О.Иванов, И.С.Алексеева). Сторонники указанного подхода, определяемого, вслед за З.Д.Львовской (Львовская 2008), как лингвистическая теория перевода, исходят из того, что перевод представляет собой лингвистическую деятельность, объектом которой являются два текста, исходный текст (ИТ) и текст перевода (ПТ), и входящие в них единицы, а методом исследования – сопоставительный анализ, осуществляемый с целью

описания и объяснения процесса трансформации или перекодировки ИТ в ПТ.

В рамках лингвистической теории перевода было разработано понятие единицы перевода, которая понимается как минимальная единица ИТ, имеющая эквивалент в ПТ (Vinay&Darbelnet 1958; Бархударов 1969).

В том что касается семантического аспекта языковых единиц и их отношения к пользователю, в данном случае переводчику, лингвистическая теория перевода полностью приняла классическое положение сосюрговской лингвистики об автономности языковой системы, в соответствии с которым как текст в целом, так и составляющие его отдельные единицы, имеют свои автономные «объективные» свойства, независимые от языкового пользователя. По мнению многих сторонников лингвистической теории перевода, составляющие ИТ единицы имеют устойчивое значение, внутри которого можно выделить определенные компоненты, набор которых различается. Смысл этих единиц образуется путем анализа их языковых значений с целью выделения релевантных для данной ситуации компонентов. Общий смысл или содержание ИТ формируется путем добавления к этим релевантным компонентам различного рода экстралингвистических (фоновых) и прагматических компонентов.

Центральным понятием лингвистической теории перевода стало понятие эквивалентности. Стремление ученых найти некое универсальное понимание переводческой эквивалентности, которое могло бы учитывать как семантический, так и функциональный аспект языковых единиц, предопределило появление целого ряда различных ее концепций. Причем, если на раннем этапе развития теории перевода, в работах Дж.Кэтфорда и Ю.Найды, выделяются два типа эквивалентности, формальная и контекстуальная, то в дальнейшем классификации становятся все более дробными. По мнению их авторов, выделение различных типов, определяемых, чаще всего, как уровни эквивалентности, позволяет учесть все возможные степени близости

двух текстов, достижимые в реальной переводческой практике. Количество уровней обычно варьируется от трех до пяти (Гак 1997; Комиссаров 1990; Koller 1989; Baker 1992). Минимальное требование к переводу – это его эквивалентность исходному тексту на уровне цели коммуникации (Комиссаров 1999).

Некоторые современные исследователи, используя в своих работах понятия теории коммуникации и прагматики, такие например, как коммуникативный эффект, пытаются объединить эквивалентность функции текста и производимого им коммуникативного эффекта с эквивалентностью отдельных его единиц путем введения понятия адекватности перевода (Латышев 2000; Ванников 1988; Сдобников, Петрова 2006).

Процесс перевода в лингвистической теории представляется как постепенное преобразование ИТ в ПТ, в соответствии с той или иной моделью или с применением различного рода трансформаций. Причем текст перевода не является самостоятельным, он должен соответствовать или быть подобен исходному тексту. Среди лингвистических моделей перевода выделяются семантическая (Дж.Кэтфорд), трансформационная (Ю.Найда) и ситуативная (В.Г.Гак). Коммуникативные теории и модели перевода (Kade 1968; Jäger 1975; Lörscher 1991; Hatim, Mason 1990, 1997; Львовская 2008) создавались по мере развития теории речевых актов, лингвистической прагматики и теории коммуникации. Коммуникативный подход к переводу предполагает, что последний рассматривается как акт двуязычной коммуникации, а объектом исследования выступает весь процесс перевода в целом, включая различные экстралингвистические и коммуникативные факторы, влияющие на то или иное принимаемое переводчиком решение. Основное отличие коммуникативной теории перевода от лингвистической заключается в том, что центральное для первой теории понятие коммуникативной эквивалентности не предполагает равенства двух текстов ни в каком смысле, кроме

коммуникативного (Львовская 2008). При этом, хотя в рамках коммуникативных теорий широко используются понятия, так или иначе связанные с языковым пользователем (например, коммуникативная интенция и коммуникативный эффект), их авторы по-прежнему рассматривают перевод как процесс, протекающий между двумя текстами.

Недостаточное внимание, уделяемое в рамках лингвистических и коммуникативных теорий перевода исследованию ментальной природы протекающих при переводе процессов, а также активной роли переводчика-интерпретатора с его способностями восприятия и порождения текстов и фоновыми знаниями, привело к развитию когнитивно-психолингвистического направления в теории перевода.

В основе работ, которые можно отнести к этому направлению (Леонтьев 1969; Зимняя 1975; Delisle 1988; Bell 1993, Казакова 2006), лежит понимание того, что процесс перевода представляет собой не межъязыковую трансформацию одного текста в другой, а речемыслительный процесс, когда в результате активного осмысления переводчиком исходного текста в его сознании формируется определенная структура смыслов, которая затем вербализуется в виде текста перевода.

Несмотря на то что число сторонников нового направления в теории перевода постоянно увеличивается (Хайруллин 1995; Kussmaul 1998; Сорокин 2003), чему в немалой степени способствует рост популярности основных положений и принципов когнитивной лингвистики, а также проведение экспериментальных психолингвистических исследований процесса перевода, проводимых, в частности, по методике мышления вслух (Krings 1987; Dancette 1997; Kiraly 1997), можно констатировать, что направление в целом находится еще только в начальной стадии своего развития и не получило широкого признания среди теоретиков перевода, в том числе

в силу недостаточной разработанности его методологических основ и отсутствия единой терминологической базы.

В *Главе II «Лингвофилософские основы перевода»* исследуются различные подходы к проблеме взаимоотношения окружающего мира, языка и мышления, возможность существования неязыкового мышления, рассматривается вопрос о единицах мышления, определяются понятия «значение», «структура значения» и «смысл».

Трактовка понятия значения в лингвистических и коммуникативных теориях перевода позволяет говорить о том, что взгляды их авторов на общетеоретические основы перевода, как и речевой деятельности в целом, обнаруживают на себе влияние двух различных лингвофилософских направлений, а именно, идущей от Аристотеля референциальной теории значения, с одной стороны, и лингвоцентризма в духе семиологии Ф.де Соссюра, с другой стороны.

Влияние принципов референциальной теории очевидно проявляется, во-первых, в том, что как лингвистические, так и коммуникативные теории перевода допускают возможность эквивалентности, то есть объективного, предметно-логического тождества единиц двух языков, причем не только на уровне референции к отдельным сущностям окружающего мира, но и на уровне описания ситуации, как это происходит, например, в рамках ситуативной модели перевода В.Г.Гака.

Во-вторых, ряд авторов (Комиссаров 1999, Львовская 2008), говоря о языковом значении, очевидно трактуют его в русле трехчастной концепции знака Г.Фреге, где значение (называемое у Фреге Sinn – «смысл») определяется свойствами объектов реального мира.

В третьих, некоторые теоретики перевода (Бархударов 1975; Koller 1983), рассматривая вопрос о возможности перевода, выдвигают тезис о полной переводимости, основанием которой является то, что для всех народов реальный мир в принципе един и, следовательно, более или менее одинаково отражается во всех языках.

Критика референциальной теории значения, в том числе применительно к переводу, шла, во-первых, с позиций философии холизма, сторонники которой выдвинули тезис о неопределенности значения и перевода (Quine 1960; Davidson 1984). Поскольку, как показал У.Куайн, воспринимаемый реальный мир не предопределяет способ его концептуализации, и даже в случае с непосредственно наблюдаемыми объектами и событиями способ их концептуализации может различаться, значение, по его мнению, носит не объективный, а контекстуальный и неустойчивый характер, в сущности, представляя собой отношение между свойствами ситуации, ожиданиями говорящего и собеседника, и интерпретивными усилиями последнего.

Во-вторых, исследования, проведенные антропологами и лингвистами, наглядно продемонстрировали тот факт, что, хотя все народы воспринимают, в основном, один и тот же реальный мир, они воспринимают его по-разному, и это разное восприятие отражается языком. Соответственно, между семантическими системами языков существуют большие различия в отношении репрезентации мира (Whorf 1956 ; Boas 1968; Berlin&Kay 1969; Rosch 1973).

Последний вывод послужил основой развития так называемой «гипотезы лингвистической относительности», возникновение которой обычно связывается с именами Э.Сепира и Б.Уорфа (Sapir 1949; Whorf 1956). Суть этой гипотезы заключается в том, что семантическая система каждого языка не является просто инструментом выражения мыслей, а формирует мысль. Ход человеческой мысли подсознательно направляется тем, как этот язык отражает реальный мир. Более того, мышление идет на языке. Гипотеза лингвистической относительности хорошо согласовывалась с лингвофилософскими взглядами Ф. де Соссюра, считавшего что до появления языка мысль представляла собой нечеткую и бесформенную массу (Saussure 1974). В рамках семиологии де Соссюра, как и в теории лингвистической относительности, реальный мир как фактор влияния на мышление, по

сути, исключается. Значение языковых знаков рассматривается как сугубо лингвистическая категория.

Однако, как показали исследования в различных областях знаний, тот факт, что языковые системы по-разному отражают реальный мир, вовсе не означает, что носители конкретного языка не способны в своем мышлении выходить за пределы диктуемой языком схемы мировосприятия и понимать что-то о реальном мире или о других способах его концептуализации, что не входит в привычную для них языковую схему мышления и понимания. А это значит, что им доступны другие, невербальные, виды мышления (Berlin&Kay 1969; Rosch 1973; Лурия 1975; Горелов 1980, 2003; Пиаже 1994; Корнилов 2003; Есо 2003).

По мнению ряда ученых, изначальным источником мышления является чувственный опыт познания окружающего мира (Леонтьев 1983; Гийом 1992; Корнилов 2003; Лакофф 2004). Различия в способах концептуализации реального мира возникают по той причине, что мышление, будучи продуктом собственной деятельности субъекта, представляет собой не прямое, а опосредованное отражение действительности, результат взаимодействия между внешним стимулом и когнитивными моделями (Jackendoff 1985) в нашем сознании, которые, так или иначе, структурируют воспринимаемую реальность.

В русле данного подхода считается, что язык не участвует в самом процессе чувственного восприятия, его роль заключается в репрезентации полученных представлений и знаний своими средствами, а также в систематизации мышления. Будучи зафиксированными национальным языком, представления и знания об окружающей действительности наследуются всеми последующими поколениями людей, говорящих на этом языке, образуя национальную языковую картину мира (Wierzbicka 1997, Степанов 1997, Шмелев 2002, Корнилов 2003, Зализняк 2006).

В процессе социального взаимодействия между членами определенного языкового коллектива происходит обобщение их индивидуальных представлений и формируются понятия, объективируемые посредством слов языка. Понятия имеют общественный характер, они обычно закрепляются в памяти за конкретными словоформами и «мыслятся» посредством образов слов.

Поскольку мышление отражает окружающий мир в виде представлений и одновременно объективируется языком, оно носит смешанный характер: человек мыслит как номинирующими понятия ментальными образами слов, так и невербальными представлениями.

Гипотезу о существовании невербального мышления, которое при этом структурировано и представляет собой особый мыслительный код, выдвигали ряд видных отечественных ученых (Выготский 2007, Жинкин 1998, Леонтьев 2003). Для Л.С.Выготского таким кодом была так называемая внутренняя речь, а для Н.И.Жинкина – универсальный предметно-схемный код (УПК).

Выдвинутая гипотеза была поддержана многими исследователями, которые предлагали свои названия невербального кода: «натуральный, внутренний код» (Зимняя 1976); «язык интеллекта» (Залевская 1988); «код интеллекта» (Тарасов, Соснова 1985); «семантический язык» (Брудный 1971); «язык мысли» (Виноград 1983). Наиболее детально и убедительно, с использованием экспериментальных данных, доказывает существование универсального предметного кода И.Н.Горелов (Горелов 1980, 2003; Горелов, Седов 1997).

В реферируемом диссертационном исследовании для обозначения универсального невербального кода предлагается термин «язык мышления». Особо подчеркивается, что универсальность языка мышления подразумевает то, что он доступен всем, а не то, что все мыслят одинаково. Язык мышления образуют невербальные представления и образы, включающие образы-схемы. Он субъективен и несообщаем. Понятия, в силу того что они обычно мыслятся

посредством слов и имеют общественный, а не субъективный характер, не входят в язык мышления, но при этом, являясь обобщением представлений, также как и последние, имеют ментальную, а не лингвистическую природу. Понятия, представления и образы являются различными видами концептов, дискретных единиц мышления.

Среди всего множества концептов, которые слово, в зависимости от контекста, способно актуализировать в сознании (Langacker 1999), концепт-понятие выделяется тем, что является общим для всех носителей конкретного языка и активируется в первую очередь при осмыслении ими слова вне контекста или в прототипических контекстах. Для них понятие формирует значение слова. Значение, тем самым, не является неопределенным для членов конкретного языкового коллектива. Оно приобретает для них объективный и конвенциональный характер благодаря своего рода социальному контракту, в основе которого лежит процесс речевого взаимодействия индивидуумов. При этом, несмотря на свой конвенциональный характер, значение, как и формирующее его понятие, имеет ментальную природу и существует только в индивидуальных сознаниях (Леонтьев 1983).

Значение слова имеет характер гештальта (Лакофф 2004) и, при необходимости, поддается анализу; выделяемые в его структуре составляющие являются концептами-представлениями или образами и могут быть названы субконцептами. Набор субконцептов, формирующих понятие и значение слова, является неповторимым и присущим только этому слову.

Концепт, актуализированный в сознании субъекта при восприятии им языковой единицы в конкретном контексте, формирует субъективный смысл. Смысл независим от языка и по своей природе является одной из единиц языка мышления – представлением или образом. Концепты, формирующие смыслы, обладают динамичностью. Их можно анализировать, выделяя субконцепты; они могут комбинироваться

различным образом, и сознание способно осуществлять их рекомбинацию. Смысл является точкой соприкосновения языков в процессе перевода и точкой, от которой начинается порождение текста перевода путем реализации присущего языку перевода (ПЯ), как и любому языку, потенциала смысловыражения.

Глава III «Теория речевой деятельности как основа моделирования процесса перевода» посвящена методологическим основам исследования процессов порождения и восприятия текстов.

В основе теории речевой деятельности лежит концепция Л.С.Выготского, в частности, ее центральное положение о том, что отношение мысли к слову есть не вещь, а процесс, движение от мысли к слову и от слова к мысли. Этот развивающийся процесс, по Выготскому, проходит через ряд фаз и стадий, и в основе его лежит мотив, то есть то, ради чего осуществляется данный вид деятельности (Выготский 2007).

Развитие теории речевой деятельности связано с работами А.А.Леонтьева, И.Н.Горелова, М.М.Бахтина, А.А.Брудного, А.Р.Лурия, А.А.Залевской, Т.В.Ахутиной и других ученых, рассматривающих процессы восприятия и порождения текстов как разновидности речемыслительной деятельности.

Речемыслительная деятельность оказывается возможной благодаря наличию у субъекта этой деятельности языковой способности, понимаемой в рамках теории речевой деятельности как «совокупность психологических и физиологических условий, обеспечивающих усвоение, производство, воспроизводство и адекватное восприятие языковых знаков членом языкового коллектива» (Леонтьев 2006, 54).

Средством реализации языковой способности является находящийся в сознании индивида язык мышления, образующий информационный центр, который, посредством ряда параллельно функционирующих интерфейсов, обеспечивает активное взаимодействие в сознании человека его субъективных знаний и представлений с разнокодовой

информацией, поступающей от различных стимулов, в том числе языкового (Залевская 1990; Jackendoff 1996).

Порождение текста представляет собой многоэтапный и эвристический процесс речемыслительной деятельности, в основе которого лежит мотив деятельности. По мнению И.Н.Горелова, процессуальность и эвристичность порождения текста доказывается наличием маркеров хезитации и автокоррекцией, в ходе которой субъект несколько раз вносит изменения в собственный вариант вербализации того или иного смысла (Горелов, Седов 1997).

Указанный процесс идет от мысленного видения будущего текста к формированию его внутренней программы, далее к значениям единиц языка и, наконец, к грамматическому структурированию текста и отбору конкретной лексики. При этом этапы не являются строго последовательными и отдельными, на каждом этапе возможен возврат к предыдущему и, кроме того, присутствует постоянный контроль деятельности в виде автокоррекции.

Этап внутреннего смыслового программирования идет на языке мышления и включает в себя расчленение единого мысленного представления некоего отрезка опыта на отдельные события, выделение внутри события участвующих в нем сущностей и распределение ролей между ними.

Между единым мысленным представлением будущего текста и конечным результатом не существует однозначного соответствия. Как показывает эксперимент, проведенный У.Чейфом, возможны вариативные способы вербализации одного и того же отрезка опыта различными субъектами, как в плане выделения последовательности событий, их участников и взаимоотношений между ними, так и в отношении подбора лексических единиц и грамматических структур (Чейф 1983).

Восприятие текста представляет собой активный когнитивный поиск, при проведении которого субъект опирается на свой разнообразный

прошлый опыт. В рамках теории речевой деятельности текст не считается первичным, а рассматривается как один из возможных вариантов реализации внутренней смысловой программы его автора (Сахарный 2004). Соответственно, цель когнитивного поиска состоит в воссоздании внутренней смысловой программы и единого смысла текста. Важную роль в этом процессе играют индивидуальные знания реципиента, обеспечивающие «симпатическое понимание» (Шпет 1989) того, что в тексте непосредственно не дано.

Привнесение субъектом своих субъективных знаний и представлений в процесс понимания текста ряд лингвистов (Бахтин 1979; Масленникова 1999; Горелов 2004) связывают с введенным Нильсом Бором для описания физических явлений принципом дополнительности. М.М.Бахтин писал о диалогических отношениях, которые существуют между автором текста и его реципиентом (Бахтин 1979). Принцип дополнительности обеспечивает определенную свободу интерпретации текста. Различия в субъективных знаниях и представлениях реципиентов обуславливают вариативность понимания ими текстов.

При этом, однако, свобода интерпретации текста не является безграничной. Несмотря на неизбежную вариативность понимания существуют определенные объективные факторы, позволяющие автору текста и его реципиенту достичь согласия в отношении единого смысла. К ним относятся значения единиц текста и общие для всех реципиентов знания о мире (Залевская 1988; Бахтин 2000). Эти факторы определяются как пределы интерпретации.

Процесс понимания текста, как и процесс текстопорождения, имеет многоэтапный, но при этом «челночный» характер, то есть на каждом этапе допускается возврат к предыдущему. Он начинается со считывания конкретных слов текста, активирующих в сознании реципиента, прежде всего, свои значения, затем от значений слов текста в сознании реципиента, благодаря активации релевантных знаний, актуализируются субъективные концепты, формирующие смыслы. Эти

концепты объединяются по своим законам и образуют определенную концептуальную структуру. Данная структура представляет собой мыслительную репрезентацию описываемой в тексте ситуации, и на ее основе формируется единый концепт или смысл текста.

Концепты, входящие в эту структуру, не всегда соответствуют графическим словам, так что отношения между концептами и словами нередко носят ассиметричный характер. Это происходит в силу ряда причин. Во-первых, устойчивые фразеологические выражения и речевые стереотипы обычно актуализируют единый концепт всем своим составом. Во-вторых, ряд слов, такие как, например, английское местоимение *it* и наречие *there* (в составе оборота *there is*), могут выполнять чисто грамматическую функцию и не актуализировать концепты. С другой стороны, ряд составляющих структуру концептов относительно воспринимаемого текста представляют собой «скрытые смыслы» (Масленникова 1999), актуализируемые в сознании реципиента исключительно благодаря наличию у него нетекстовых фоновых знаний. Например, при восприятии английского предложения *He is a man to rely on* в сознании, дополнительно к концептам, актуализируемым словами этого предложения, актуализируется концепт *POSSIBILITY*.

Многие скрытые смыслы представляют собой типы концептов, определяемые как интерактивные. Интерактивные концепты отличаются от обычных тем, что они не участвуют в ментальной репрезентации какой-либо сущности или события, а являются представлениями о самих коммуникантах и их интенциях. Интерактивные концепты могут быть интенциональными или неинтенциональными. Интенциональные концепты отражают то, как сам коммуникант воспринимает или представляет некую сущность или событие в соответствии со своей интенцией.

Некоторые языковые единицы обычно актуализируют интенциональные концепты. К ним относятся, среди прочих,

иллокутивные частицы (Минченков 2004). Частица *even*, например, актуализирует концепт нормы. Однако нередко интерактивные концепты актуализируются языковыми единицами или их сочетаниями как дополнение к основным смыслам, сформированным от их значений. Например, предложение *I reckon we can learn a thing or two from him* актуализирует не только концепты SEVERAL и FACT, но также дополнительно интерактивный концепт нормы. Кроме того, к интенциональным скрытым смыслам относятся концепты оценки и иронии, а также различных эмоций (Масленникова 1999).

Неинтенциональные концепты представляют собой знания или представления о коммуниканте, формируемые в сознании других коммуникантов в результате восприятия некоего созданного им текста. Употребление одним из коммуникантов нестандартных грамматических форм, например, *them people* вместо *these people*, дает собеседнику представление о социальной или диалектальной принадлежности этого коммуниканта.

В главе IV «**Понятие когнитивно-эвристической модели перевода и ее экспериментальная верификация**» описывается предлагаемая автором когнитивно-эвристическая модель перевода и, с опорой на данные проведенного экспериментального исследования, демонстрируется эвристический характер процесса перевода и проводится анализ основных его стадий, закономерностей их протекания и мыслительных операций, производимых переводчиком на каждой стадии.

В основу предлагаемой модели положен ряд принципов, существенно отличающих ее от уже существующих. Во-первых, перевод рассматривается как процесс речемыслительной деятельности, протекающий в сознании переводчика.

Во-вторых, перевод признается особым видом речемыслительной деятельности, объединяющим в себе процесс понимания исходного текста, целью которого является формирование внутренней смысловой

программы, и процесс создания нового текста на другом языке путем реализации сформированной смысловой программы. Оба процесса являются многоэтапными, но при этом имеют челночный характер. Внутренняя смысловая программа представляет собой совокупность связанных определенными отношениями концептов, определяемую как концептуальная структура.

В-третьих, специфика перевода как вида речемыслительной деятельности состоит в заданности предмета деятельности: порождая новый текст на языке перевода, переводчик реализует, прежде всего, не собственную внутреннюю программу, а ту, которая уже была ранее сформирована автором исходного текста.

В-четвертых, переводческая деятельность оказывается возможной благодаря наличию (и при условии наличия) у переводчика релевантных для этого вида деятельности знаний. Они включают знания значений единиц двух задействованных в процессе деятельности языков, двух языковых картин мира, фоновые знания и знания контекста. Имеющие общественный характер знания значений и языковых картин мира способствуют тождественности понимания исходного текста, в то время как субъективные фоновые знания и представления, привносимые переводчиком в процесс своей деятельности, обуславливают вариативность понимания исходного текста различными переводчиками.

В-пятых, все основные используемые при моделировании процесса перевода понятия, прежде всего, значение, смысл и концепт, имеют ментальную природу. Именно схожесть природы значения и смысла делает возможным их диалектическое взаимодействие в сознании переводчика при осуществлении им своей деятельности.

Наконец, в-шестых, процессы понимания исходного текста и порождения текста перевода носят эвристический характер.

Описание эвристического характера процесса перевода основывается на методе абдукции Ч.Пирса. Метод абдукции противопоставляется

индукции и дедукции и предполагает, что на определенной стадии исследования или анализа субъект просто выдвигает некую гипотезу, в истинности которой он не уверен, и временно ее придерживается, пока это позволяют факты (Peirce 1992).

Применительно к процессу перевода можно говорить о том, что для решения проблем переводчик проводит активный поиск, идущий путем выдвижения гипотез, которые в дальнейшем подтверждаются, либо опровергаются; при опровержении изначальных гипотез переводчик выдвигает новые, которые также могут быть либо подтверждены, либо опровергнуты. При этом процесс поиска не является линейным и упорядоченным. В сознании постоянно возникают новые мысли, ассоциации или логические связи, активируются различные фреймы знаний, одни направления поиска продолжают, другие блокируются. В результате, путем абдукции переводчику часто удается найти удовлетворительные и осознанные, хотя и не всегда идеальные, решения. И отправной точкой этого процесса является гипотеза, в истинности которой переводчик изначально не уверен.

Учитывая, с одной стороны, эвристический характер всего процесса перевода, а, с другой стороны, ту роль, которую играет в нем познавательная деятельность переводчика, активирующего и использующего разные виды знаний, предлагаемая модель определяется как когнитивно-эвристическая.

Когнитивно-эвристическая модель описывает процесс перевода следующим образом. При восприятии переводчиком исходного текста на языке А в находящийся в его сознании информационный центр по специальному интерфейсу поступает информация от данного текста в виде ментальных образов слов. Эти слова активируют в сознании переводчика определенные концепты-понятия, которые взаимодействуют с поступающими по другим интерфейсам фоновыми знаниями и знаниями контекста. В результате этого взаимодействия в информационном центре актуализируются субъективные концепты-

представления и образы, формирующие смыслы. Эти субъективные концепты постепенно образуют достаточно четкую концептуальную структуру, которая представляет собой внутреннюю программу будущего текста на языке В. На основе этой концептуальной структуры в сознании формируется единое мысленное представление всей описываемой текстом ситуации.

Следующим этапом процесса перевода является постепенное порождение текста на языке В. Переводчик объективирует сформированную в его сознании концептуальную структуру путем соотнесения образующих ее концептов со значениями единиц языка В и активации различного рода знаний. Когда актуализированный концепт хорошо согласуется с концептом, формирующим значение той или иной единицы языка В, переводчик объективирует его достаточно быстро, переходя от концепта к значению, и затем к слову. В других случаях переводчику приходится достаточно долго искать единицы языка В, способные объективировать нужный концепт. В ряде случаев объективация оказывается невозможной без рекомбинации концептов. Некоторые концепты могут быть объективированы лишь словосочетаниями или целым предложением. Перейдя к словам, переводчик осуществляет грамматическое структурирование нового текста. При необходимости проводится автокоррекция. В процессе автокоррекции переводчик обычно возвращается мысленно к внутренней программе и единому представлению ситуации.

Наиболее сложными операциями в процессе перевода являются формирование смысла при движении от исходного текста к внутренней программе и объективация концептов, образующих концептуальную структуру, на языке перевода. Обе операции нередко предполагают комплексный, задействующий разные виды знаний, поиск: в первом случае когнитивный поиск смысла, во втором случае – поиск средств объективации концепта. Оба вида поиска могут быть успешны или неуспешны. Различного рода сбои в поиске могут возникать по причине

отсутствия необходимых знаний или несрабатывания в сознании, по тем или иным причинам, связей с нужным видом информации. Сбой в том или другом поиске ведет к его неуспешности и, соответственно, неуспешным оказывается весь процесс перевода в целом.

В соответствии с представленной моделью перевод определяется как эвристический процесс объективации средствами языка перевода концептуальной структуры, сформированной в сознании на базе исходного текста. С учетом эвристического характера всего процесса, возможности вариативной объективации одного и того же концепта, а также того факта, что выбираемые переводчиком средства языка перевода соотносятся не с единицами исходного текста, а с концептами, средством объективации которых они являются, результирующие единицы текста перевода определяются как переводческие варианты. Весь перевод-результат может быть успешным или неуспешным.

Выделение единиц процесса перевода связывается с его основными этапами. Отправной точкой каждого этапа оказывается определенная единица. Поскольку концепт-понятие активируется в сознании языковой единицей, значение которой он формирует, то отправной точкой на этапе активации этого концепта является конкретная языковая единица. Однако отправной точкой при формировании смысла оказывается уже не эта единица сама по себе, а ее значение, то есть ментальная сущность, концепт-понятие. А порождение нового текста начинается тогда, когда в сознании сформированы смыслы, то есть его отправной точкой являются актуализированные концепты, формирующие эти смыслы.

Таким образом, на этапе первоначального считывания переводчиком исходного текста единицей является некий сегмент этого текста, чаще всего слово (Бродович 2000). Однако, поскольку непосредственно перевод начинается лишь после того, активированный словом концепт-понятие актуализируется в контексте, единицей перевода следует считать актуализированный концепт. Он же оказывается единицей

мыслительных операций, которые могут быть необходимы для перехода к значениям единиц языка перевода.

Для верификации предложенной модели в 2006 году, при кафедре Русской и Славянской филологии университета г. Шеффилда, Великобритания, было проведено экспериментальное исследование процесса перевода по методу мышления вслух. Этот метод предполагает, что, осуществляя перевод, переводчик, насколько это возможно, вербализует мысли, возникающие у него в сознании, и его слова записываются на аудио магнитофон. Текстовые варианты этих записей, обозначаемые как «протоколы мышления вслух», затем анализируются исследователем в своих целях (Krings 1987; Kussmaul 1991; Lörscher 1991; Séguinot 1991; Kiraly 1995, 1997; Dancette 1997).

В эксперименте приняли участие четыре студента, занимающиеся переводом, и два преподавателя кафедры, рассматривавшиеся как профессиональные переводчики. В соответствии с правилами, существующими в академической среде Великобритании, имена всех участников были зашифрованы: они обозначались латинскими буквами – студенты как А, В, С, D, а преподаватели как X и Y.

Испытуемым в разное время было предложено перевести с русского (иностранного) на английский (родной для них) язык текст исторического содержания о русском императоре Петре I, взятый из монографии Е.В.Анисимова «Время Петровских Реформ» (Анисимов 1989). «Мысли вслух» записывались на аудио кассету. Сам перевод параллельно писался от руки или набирался на компьютере, по выбору участника. Все участники имели в своем распоряжении два словаря – русско-английский словарь Oxford Russian-English Dictionary и толковый словарь русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой. Был установлен верхний лимит времени – два часа, хотя трое испытуемых, в силу разных причин, использовали меньший объем времени. При этом что текст был достаточно большим и включал пять абзацев, участникам было сказано, что они могут перевести не все пять. В итоге

профессиональные переводчики справились со всем текстом, трое студентов – только с двумя абзацами, а один студент – с тремя абзацами.

В результате эксперимента когнитивно-эвристическая модель перевода была верифицирована. Исследование показало, что без выхода на концептуальный уровень процесс перевода не может быть успешным. Соответственно, 1) формирование концептуальной структуры и 2) ее объективация на языке перевода представляют собой два обязательных этапа процесса перевода. Они присутствуют даже тогда, когда перевод происходит почти спонтанно.

Иллюстрацией того, как работает вся модель в целом, может служить процесс перевода профессиональным переводчиком X смыслового блока *верным признаком его подмененности, ложности*, составляющего часть предложения *Столь поражающая наблюдателей манера поведения Петра одним казалась капризом, причудой, другим – особенно в народной среде – верным признаком его «подмененности», ложности*. Анализ протокола показывает, что перевод первых трех слов не представлял особых трудностей – переводчик почти спонтанно вербализовал сформированный смысл в виде *a true indication of his*. После этого он понял, что не знает точно значения слова *подмененность*, и это мешает ему сформировать общий смысл блока. Поскольку слова *подмененность* и *ложность* идут друг за другом через запятую, а последнее активировало в его сознании концепт FALSENESS, он выдвигает гипотезу о том, что концепт, формирующий значение слова *подмененность* должен как-то согласовываться с концептом FALSENESS. В его сознании возникают однокоренные со словом *подмененность* единицы: существительные *подмена*, а затем, *измена*. В результате актуализируется концепт TREACHERY, связанный с FALSENESS.

Решив проверить свою гипотезу, переводчик смотрит глагол *подменить* в русско-английском словаре и находит *substitute for*. В результате

первоначальная гипотеза отвергается, поскольку переводчик понимает, что значение слова *подмененность* формируется совсем другим концептом. От активированного найденным в словаре словом концепта SUBSTITUTE актуализируется концепт PRETENDER, чему способствуют знания переводчиком концептосферы английского языка и контекста; в сознании переводчика возникают также слова *not a true tsar*. В этот момент переводчик активирует фоновые знания, связанные с Петром. Он вспоминает, в частности, как он пришел к власти, что не все хотели признавать его царем. Актуализируются также знания, связанные с царями-самозванцами, в памяти всплывает имя *Лжедмитрий*, актуализирующее тот же концепт, что и слово *ложный* по сходству корня. Все это вместе приводит переводчика к подтверждению гипотезы о том, что слово *подмененность* в данном контексте связано, прежде всего, с концептом PRETENDER, а слово *ложность* – с концептом UNTRUE. Сформировав таким образом общий смысл, переводчик начинает вербализовать его. Подбирая слова и выстраивая структуру предложения в соответствии с грамматическими нормами английского языка, он объективирует указанные концепты посредством слов *inauthenticity* и *pretender*. К последнему слову он вынужденно добавляет словосочетание *of his status as*, поскольку по грамматическим нормам английского языка в позиции после слова *inauthenticity* требовалось такое же абстрактное существительное, а от слова *pretender* его образовать невозможно. В результате окончательный вариант перевода анализируемого смыслового блока выглядит как *a true indicator of his inauthenticity, of his status as a pretender*. Важно отметить, что вербализовав общий смысл, переводчик дополнительно верифицирует успешность объективации концептов и приходит к выводу, что слово *pretender* «передает идею», которая есть в русском слове *подмененность* и английском *substitute* (в нашей терминологии, объективирует тот же концепт, что и эти слова). Данные действия переводчика подтверждают

тезис о том, что процесс перевода имеет челночный характер: уже после успешной вербализации переводчик опять возвращается к концептуальному уровню для того, чтобы дополнительно верифицировать свой вариант.

Проведенный на основе протоколов анализ причин, по которым окончательный вариант, предложенный тем или иным участником, оказывается неуспешным, показывает, что они связаны, прежде всего, с неадекватным пониманием исходного текста. Протоколы свидетельствуют о том, что понимание может быть успешным лишь при условии, что переводчик 1) знает значения входящих в текст слов или может понять их при обращении к словарю и 2) обладает необходимыми для формирования смысла фоновыми знаниями и знаниями контекста. Сбои в понимании нередко оказываются следствием того, что переводчик, используя двуязычный словарь, принимает значение словарного соответствия за значение исходной единицы. Источником, предоставляющим необходимую информацию о значении единиц исходного языка, в том числе о структуре значения, является одноязычный словарь этого языка, однако, как показывает эксперимент, переводчики им практически не пользуются.

Анализ протоколов мышления вслух позволил определить виды рекомбинации концептов, применяемые переводчиками в процессе своей деятельности. Когда в сознании переводчика актуализируется концепт, состоящий из двух субконцептов, а в языке перевода нет слова, способного объективировать оба субконцепта, применяется прием расщепления концепта и объективация одной из его составляющих. Так происходило, например, при переводе русского глагола *кичиться*.

Противоположным расщеплению является прием слияния концептов. В сознании переводчика актуализируются два концепта, один (или оба) из которых он не может объективировать словом. Тогда в языке перевода подбирается слово или словосочетание, способное объективировать

сразу оба концепта. Слияние концептов было применено переводчиком Y при переводе русских слов *безобразное пьянство*.

Когда в языке перевода нет слова, которое может объективировать нужный концепт в конкретном контексте, объективация концепта возможна через описывающую его концептуальную схему или один из существенных признаков этого концепта.

К более радикальным видам рекомбинации относятся изменение актуализированной в сознании концептуальной схемы с перемещением концептов относительно друг друга и перестройка всей актуализированной предложением концептуальной структуры. В обоих случаях переводчик в своей мыслительной деятельности опирается на единое представление всей описываемой предложением ситуации. При полной перестройке концептуальной структуры нередко происходит поглощение отдельных концептов общим концептом ситуации.

Перестройка концептуальной структуры была применена, например, при переводе русского предложения *Для начала не будем обольщаться демократизмом первого императора*. Английский вариант у переводчика Y выглядит как *For a start we should not imagine for a moment that Peter the Great was a democrat*. Наиболее существенные концепты – ДЕМОКРАТИЗМ и ОБОЛЬЩАТЬСЯ – не объективируются отдельными словами, но входят составными частями в единый концепт ситуации, объективируемый всем английским предложением. В частности, то, что некий человек может быть определен как *democrat*, предполагает объективацию концепта ДЕМОКРАТИЗМ как свойства этого человека.

Протоколы мышления вслух свидетельствуют также том, что переводчики, прежде всего профессиональные, при порождении текста перевода регулярно применяют метод автокоррекции. Посредством автокоррекции достигается естественность звучания текста перевода, его когерентность и соблюдение грамматических и лексических норм ПЯ.

Следует отметить, что при проведении автокоррекции существенную роль играют субъективные представления переводчика о норме и естественности. Это проявилось, например, при переводе русского слова *вице-канцлер*. Переводчик Y счел английский вариант *vice-chancellor* неестественным и отказался от него в пользу, по его мнению, более естественного в данном контексте *Deputy Chancellor*. Как он заметил, *vice-chancellor* ассоциируется, прежде всего, с университетами. Переводчик X, также переводивший указанное слово, очевидно счел английское слово *vice-chancellor* вполне приемлемым и естественным вариантом. В любом случае, каких-либо сомнений этого переводчика по поводу данного варианта зафиксировано не было: перевод происходил почти спонтанно.

В главе V «**Возможности приложения когнитивно-эвристической модели перевода**» описывается применение разработанной модели к оценке качества выполненных переводов и на примере двух английских иллокутивных частиц разрабатывается методика перевода языковых единиц, чья семантика обнаруживает большую зависимость от контекста.

В отношении перевода нормы могут быть разделены на нормы перевода-результата и нормы перевода-процесса. Первые регулируют то, каким должен быть результат деятельности, для того чтобы считаться правильным и приемлемым. Вторые, определяемые как операционные нормы, касаются методов и стратегий, которые применяются для достижения приемлемого для социума результата (Schäffner 1999).

Нормы, применяемые в рамках лингвистических теорий перевода, регулируют то, каким должен быть результат переводческой деятельности. Эти нормы были выработаны применительно к конкретным парам языков как закономерности отношений между этими языками, выявленные в процессе сопоставительных исследований, в

том числе выполненных переводов. В сущности, они представляют собой нормы межъязыковых соответствий.

Операционные нормы носят градуированный и относительный характер. Они формируют некий континуум, в котором одни нормы имеют более директивную природу и схожи с правилами, а другие являются более субъективными. Градуированный характер норм обусловлен тем, что перевод, с одной стороны, представляет собой когнитивную деятельность, происходящую в индивидуальном сознании. Все переводческие решения принимаются в сознании переводчика, и при принятии решений немаловажную роль играют субъективные представления переводчика о том, что считать нормой. С другой стороны, перевод – это событие, происходящее в конкретном социокультурном контексте. Соответственно, переводчик вынужден соотносить свою деятельность с конвенциональными нормами социума (Toury 1999).

Применение операционных норм к оценке качества перевода предполагает, что субъект оценки проводит интроспективное моделирование действий переводчика посредством повторного осмысления исходного текста, формирования в сознании структуры концептов и исследования возможностей объективации этих концептов на ПЯ. Построив в своем сознании работающую модель процесса перевода данного конкретного ИТ, субъект оценивает степень успешности тех и иных действий переводчика или принятых им решений с использованием собственных знаний, а также информации, предоставляемой различными релевантными источниками.

Как показывает сравнительный анализ полученных в результате эксперимента готовых вариантов перевода, предложенных шестью разными переводчиками, к которым был добавлен английский вариант текста, взятый из перевода всей монографии Е.В. Анисимова, выполненного Дж.Т.Александром и официально опубликованного в США (Anisimov 1993), исходный текст обладает потенциалом

актуализации в сознании определенной структуры концептов и при наличии необходимых знаний и способности их активировать в нужной ситуации, эта структура концептов действительно актуализируется в сознании переводчика.

Варианты, предложенные тремя профессиональными переводчиками, в том числе тот, который был опубликован, в подавляющем большинстве случаев (85%) совпадали в отношении объективируемых концептов, несмотря на достаточно часто встречающееся несовпадение языковых средств, использованных для объективации того или иного концепта. При сравнении вариантов профессиональных переводчиков с теми, которые предлагали студенты, совпадения наблюдались реже, что происходило, в основном, из-за того, что студенты гораздо чаще, чем профессиональные переводчики не обладали необходимыми знаниями и не смогли успешно осмыслить то или иное предложение. При этом, однако, в тех случаях, когда студентам явно удавалось адекватно осмыслить предложение, использованные ими варианты также совпадали с вариантами профессиональных переводчиков в плане объективируемых ими концептов, а иногда совпадали также и в плане использованных средств ПЯ. Например, шесть переводчиков из семи перевели русское сочетание *Петр сознательно избегал* в виде *Peter consciously avoided*, а один как *Peter shunned*. При различиях в предлагаемых средствах объективации того или иного концепта эти различия находились обычно в пределах синонимических рядов, то есть предлагаемые единицы ПЯ объективировали один и тот же концепт. Так происходило, например, при переводе русского слова *почитание*. В совокупности, было предложено пять (!) разных вариантов – *worship*, *homage*, *respect*, *reverence*, *honouring* – однако все они объективируют, прежде всего, концепт RESPECT.

Концептуальную структуру, потенциально актуализируемую исходным текстом, можно считать инвариантом перевода и относительно ее говорить о том, насколько успешен тот или иной вариант перевода, и

выявлять те или иные ошибки. Тем самым, основной критерий, определяющий успешность перевода состоит в том, удалось ли переводчику объективировать всю совокупность концептов, потенциально актуализируемую исходным текстом, учитывая объективную возможность это сделать в данном контексте. Успешные варианты могут отличаться друг от друга как в отношении лексических единиц, избираемых для объективации того или иного концепта, так и в структурном плане. Эти варианты могут быть признаны одинаково успешными, или же различными по степени успешности в плане полноты объективации того или иного концепта или всей структуры концептов.

К переводческим ошибкам, во-первых, относятся случаи, когда выбранная переводчиком единица объективирует не тот концепт, который потенциально актуализируется исходным текстом, а некий другой. Например, в качестве английского варианта русского смыслового блока *Действительно известно* два переводчика предложили *It is indeed well-known*, а один *It is actually well-known*. Английские слова *indeed* и *actually* в данном контексте вполне успешно объективируют концепт, актуализируемый русским словом *действительно*. На этом фоне предложенный переводчиком А вариант *It is fairly well-known* нельзя признать успешным, поскольку английское слово *fairly*, в отличие от двух вышеупомянутых, объективирует совсем другой концепт – ДОСТАТОЧНО.

Во-вторых, к ошибкам относятся случаи, когда концепт не объективирован вообще, хотя такая возможность была. Например, два переводчика из семи никак не объективировали в ПТ концепт **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО**, актуализируемый уже упоминавшимся сочетанием *Действительно известно*. Они оба предложили вариант *It is well-known*. В-третьих, серьезной переводческой ошибкой следует считать использование переводчиком сочетания слов или предложения, которое не имеет смысла или имеет смысл совершенно отличный от того,

который потенциально можно сформировать на основе соответствующего отрезка ИТ. В частности, из-за трудностей с осмыслением русского наречия *столь*, большинство студентов не смогли успешно перевести смысловой блок *Стой поражающая наблюдателей манера поведения Петра*. Студент В дал не имеющий смысла вариант *Of that which struck observers of Peter's behaviour*, а студент D еще более бессмысленный *The throne (!) to the observers of the manner and attitude of Peter*.

Четвертый тип ошибки – это выполнение пересказа вместо перевода. Другими словами, не один, а несколько концептов не объективировано вообще по субъективным причинам. Так, переводчик Y перевел русское предложение *В его отношении к величю и значению власти самодержца прослеживается иной, основанный на принципах рационализма, подход...* в виде *As for his attitude to the great importance of the autocracy, there is a different approach*, в то время как английский язык вполне позволяет объективировать концепты, актуализируемые указанным русским предложением. Подтверждением этого может служить, например, вариант переводчика X: *In his attitude to the majesty and significance of autocratic power a different approach can be seen, one that is based on principles of rationalism*.

Наконец, ошибочным следует признать вариант, который явно нарушает нормы ПЯ, звучит неестественно или не обладает когерентностью. Такого рода ошибки встречались обычно у студентов. В частности, можно было обнаружить неестественные, с точки зрения порядка слов, сочетания типа *convenient, natural for him way of life* (переводчик А), хотя английский язык позволяет перевести соответствующее русское сочетание *удобный, естественный для него образ жизни* в виде, например, варианта *way of life that was convenient and natural for him* (переводчик X).

Преимущества разработанной в реферируемом исследовании когнитивно-эвристической модели перевода перед традиционными

лингвистическими моделями наглядно видны при решении проблем перевода языковых единиц, чья семантика обнаруживает сильную зависимость от контекста, и перевод которых с помощью источников, опирающихся на межъязыковые соответствия, прежде всего, двуязычных словарей, оказывается проблематичным.

Ярким примером подобного рода единиц являются иллокутивные частицы, актуализирующие в сознании воспринимающего некий текст переводчика интерактивные концепты как представления об интенции, мыслях или чувствах автора текста в отношении репрезентируемого текстом пропозиционального содержания.

Среди иллокутивных частиц выделяются такие, которые имеют вполне четкое значение, и частицы с нечетким значением. К первым относится, например, частица *actually*, ко вторым – *oh*.

Значение частицы *actually* формирует концепт соответствия реальности. Посредством этой частицы говорящий указывает на то, что событие или факт, описываемый словами, к которым относится данная частица, происходит или существует в действительности, что противопоставляется гипотетическому или ошибочному представлению о положении дел, или такому, которое лишь частично соответствует действительности. А поскольку частица *actually* нередко употребляется в таких контекстах, где соответствующий реальности факт вводится как нечто неожиданное, новое, не известное ранее, и при этом может противопоставляться каким-то фактам, которые не соответствуют или не полностью соответствуют реальности, но считались истинными, смысл, формируемый на основе указанного значения этой частицы, достаточно часто может включать в себя концепты различных эмоций или оценки.

Перевод иллокутивной частицы *actually* в русле когнитивно-эвристической модели предполагает критический подход к данным, предоставляемым двуязычным словарем (создающим неверное впечатление, что *actually* имеет несколько мало связанных друг с

другом значений), и, как правило, применение двух видов поиска – когнитивного поиска смысла и эвристического поиска средства вербализации этого смысла на ПЯ. Когнитивный поиск смысла идет с использованием 1) знаний о значении частицы, которые, при отсутствии их у переводчика, могут быть извлечены из одноязычного словаря английского языка; 2) нередко предоставляемых тем же словарем знаний о структуре этого значения и концептах, которые данная частица может актуализировать в различных контекстах; а также, в равной степени, 3) знаний контекста.

Поиск средства выражения на ПЯ идет от актуализированного в сознании переводчика концепта и предполагает активацию знаний о средствах объективации концептов средствами ПЯ и представлений о естественности звучания того или иного средства в конкретном контексте.

Иллокутивная частица *oh* выделяется среди других частиц, не имеющих четкого значения, таких как *now* и *why* (Минченков 2004), тем, что она хуже всех представлена в двуязычном словаре и чаще других неуспешно переводится. В рамках лингвистической теории перевода, где центральным понятием является эквивалентность, *oh* обычно относят к безэквивалентной лексике (Иванов 2006).

Трудности перевода *oh* обусловлены двумя существенными обстоятельствами. Во-первых, отсутствием у данной частицы четкого и устойчивого значения. Во-вторых, большой вариативностью и многообразием концептов, которые может актуализировать эта частица в разных контекстах.

Значение частицы *oh*, которое можно определить только в наиболее общем виде – как представление о наличии той или иной реакции коммуниканта на нечто, происходящее вокруг него, в его мыслях, или сказанное другим коммуникантом – способно лишь направить когнитивный поиск в определенном русле. При этом, однако, знания о значении *oh* и информация, предоставляемая одноязычными словарями

о контекстуальных возможностях этой частицы (дающая представление о том, какого рода концепты она может актуализировать в контексте), как правило, позволяют, при условии адекватного анализа контекста, провести достаточно успешный когнитивный поиск. Поскольку двуязычный словарь фактически не дает возможности успешно перевести частицу *oh* в подавляющем большинстве контекстов, за когнитивным поиском должен идти эвристический поиск средства объективации концепта, формирующего смысл, с учетом принципа естественности звучания.

В *Заключении* подводятся основные итоги проведенного исследования.

В *Приложении* приводится использованный в процессе эксперимента текст.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Минченков А.Г. Фактор концептосферы языка и возможности проведения концептуального поиска в процессе перевода // Вестник СПбГУ. Серия 9. Вып.1. Ч.II. 2007. С.67-73.
2. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: к постановке вопроса // Вестник СПбГУ. Серия 9. Вып.2. Ч.II. 2007. С.208-217.
3. Минченков А.Г. Объект сопоставления при переводе и проблема переводимости // Вестник СПбГУ. Серия 9. Вып.3. Ч.I. 2007. С.75-81.
4. Минченков А.Г. Проблема выделения единицы перевода и возможности ее решения в рамках когнитивно-эвристической модели // Вестник СПбГУ. Серия 9. Вып.1. Ч.II. 2008. С.162-166.
5. Минченков А.Г. Приложение когнитивно-эвристической модели к переводу частицы *actually* // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Серия «Общественные и гуманитарные науки». № 11 (66). 2008. С.74-81.
6. Минченков А.Г. Критерии оценки качества перевода и типы переводческих ошибок // Вестник СПбГУ. Серия 9. Вып.2. Ч.II. 2008. С.166-174.
7. Минченков А.Г. Мысль как основа сопоставления языков при переводе и интенция мыслевыражения // Вестник Челябинского Государственного Университета. Филология. Искусствоведение. Вып.23. № 21 (122). 2008. С.114-120.

Монографии и части коллективных монографий

8. Минченков А.Г. Русские частицы в переводе на английский язык. СПб: Химера, 2001. 6 п.л.
9. Минченков А.Г. Частицы как средство когезии монолога. // Риторика монолога / Коллективная монография под. ред. А.И.Варшавской, СПб: Химера, 2002. С.93-108

10. Минченков А.Г. Английские частицы: функции и перевод. СПб: Антология, 2004. 3 п.л.
11. Минченков А.Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб: Антология, 2007. 8 п.л.

Статьи в сборниках научных трудов, материалы и тезисы конференций

12. Минченков А.Г. Концепт естественности звучания и перевод дискурсных частиц // Материалы I Всероссийской научной конференции «Федоровские чтения». Выпуск 1. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2000. С.113-117.
13. Минченков А.Г. Перевод прилагательных *наглый*, *нахальный* и общие проблемы теории и практики перевода // Тезисы докладов XXIX Межвузовской Научно-Методической конференции преподавателей и аспирантов. Секция «Актуальные проблемы теории и практики перевода». СПб: Изд-во СПбГУ, 2000. С.19-20.
14. Минченков А.Г. Естественность звучания и перевод прагматических единиц // Материалы XXIX Межвузовской Научно-Методической Конференции Преподавателей и Аспирантов. Выпуск 8. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. С.40-43.
15. Минченков А.Г. Способы передачи экспрессивной семантики русских прилагательных *наглый/нахальный* средствами английского языка // Материалы XXIX Межвузовской Научно-Методической Конференции Преподавателей и Аспирантов. Выпуск 8. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. С.43-45.
16. Минченков А.Г. Функции частицы *Oh* и ее перевод на русский язык // Материалы II Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». Выпуск 2. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С.222-228.

Учебные, учебно-методические пособия, программы

17. Минченков А.Г. Употребление неличных форм глагола в английском языке. СПб: Химера, 2001. 9 п.л.
18. Минченков А.Г. Культурологический аспект перевода (на материале английского и русского языков) // СПбГУ. Филологический факультет. Спецкурсы. Учебные программы. СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. С.245-248.
19. Минченков А.Г. *Verbals* // *A New University English Grammar*. Под ред. А.В.Зеленщикова, Е.С.Петровой. СПб: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2003. С.245-279.
20. Минченков А.Г. *Glimpses of Britain*. СПб: Антология, 2006. 10 п.л.